

А. М. КАМЧАТНОВ

ЛЖЕИМЕННОЕ СЛОВООБРАЗОВАНИЕ

В статье рассмотрены сходство и различие двух словообразовательных словарей русского языка А. Н. Тихонова и И. А. Ширшова и сделаны выводы 1) о неизбежной субъективности любого словообразовательного словаря, созданного с позиций синхронного описания языка; 2) об антинаучности синхронного словообразования в целом, а также обоснована необходимость создания толково-словообразовательного исторического словаря русского языка.

Ключевые слова: синхрония, диахрония, словообразование, словообразовательные словари русского языка.

На кафедру пришла коллега, дочка которой учится во 2 классе, и с порога сказала: «Представляете, Александр Михайлович, в учебнике по русскому языку для второго класса [Канаткина, Горецкий, 2012] сказано, что слово *снегирь* не связано со словом *снег*, является первообразным, поэтому его написание надо запомнить, то есть безударную гласную в корне нельзя проверить словом *снег*. Моя дочка удивляется, почему это название птички, которая появляется у нас зимой, когда уже выпал снег, не связано со словом *снег*, а моему возмущению просто нет предела». Я заметил: «А вы посмотрите в «Школьный словообразовательный словарь русского языка» А. Н. Тихонова — я почти уверен, что авторы учебника опирались на него».

Придя домой, я сам заглянул в Словообразовательный словарь Тихонова (далее — ССТ) и на с. 433 обнаружил, что слова *снег* и *снегирь* находятся в двух особых словарных статьях, то есть каждое является первообразным, что от слова *снег* образованы слова *бесснежный*, *бесснежность*, *бесснежие*, *белоснежный*, *подснежник*, *снегопад*, *снегоочиститель*, а от слова *снегирь* — *снегирек*, *снегиренок*; при этом слово *снегирь* представлено даже как нечленимое. Я давно уже имел серьезные претензии к этому словарю, но все не было времени написать об этом, но вот наконец мое терпение дошло до своего предела. Однако чтобы понять суть этих претензий, придется ненадолго погрузиться в историю языкознания.

Хорошо известно, что становление теории словообразования произошло во второй половине XX века. Статус словообразования в структуре языка до сих пор остается предметом дискуссий: нет единого мнения относительно того, является ли словообразование частью лексикологии (А. И. Смирницкий, О. С. Ахманова, В. В. Колесов, В. М. Марков) или частью морфологии

(Г. О. Винокур, Н. Д. Арутюнова, В. В. Лопатин, «Русская грамматика» 1980 году) и др., или же представляет собой самостоятельный уровень языка со своей единицей — морфемой (Е. А. Земская, Е. С. Кубрякова, В. Н. Немченко). Нерешенность этой и многих других проблем породила своеобразный «словообразовательный бум»: тогда каждая пятая лингвистическая работа, выходящая в нашей стране, была работой по словообразованию.

В эти же годы острые дискуссии сопровождали освоение лингвистического наследия Ф. де Соссюра, одним из положений учения которого является принципиальное разграничение двух типов описания языка — синхронного и диахронного. Материалы одной из них отражены в сборнике «О соотношении синхронного анализа и исторического изучения языков» (М., 1960). Тогда же была поставлена задача машинного перевода, для решения которой язык должен быть описан как самодовлеющая структура. Структурализм становился лингвистической модой того времени, поэтому «партия синхронистов» в те годы стала преобладающей. Я хорошо помню, как нам, студентам филологического факультета Московского университета, в начале 70-х годов внушали в качестве бесспорной истины и абсолютного догмата: одно дело — исторические процессы в языке и совсем другое — реальные связи и отношения, то есть наличная система языка, поэтому смешивать синхронию и диахронию ни в коем случае нельзя — или одно, или другое. И так получилось, что словообразование русского языка стало описываться синхронно в трудах Е. А. Земской, А. Н. Тихонова, В. В. Лопатина, И. С. Улуханова. В 1973 году появился университетский учебник по словообразованию Е. А. Земской, а в 1980 году — Академическая грамматика русского языка с синхронным описанием русского словообразования.

Однако первые идеи о различии двух подходов к описанию словообразования были высказаны Г. О. Винокуром еще в 40-е годы, и к его работам есть смысл обратиться, так как в них можно обнаружить одно любопытное противоречие.

С одной стороны, Г. О. Винокур писал: «Вопрос о том, есть в данном слове то отношение, которое характеризует производную основу в отличие от непроизводной и, следовательно, выделяются в этой основе какие-нибудь аффиксы или нет, должен и может решаться исключительно установлением отношений между значениями слов в наличной языковой традиции, и только в этом смысле может идти речь о лингвистическом сознании данной среды» [Винокур, 1959, с. 423]. С другой стороны, он также отметил: «то, что этимологическая рефлексия на слово есть нечто вполне реальное, отрицать нет никакого смысла. Однако, это еще не основание для того, чтобы считать критерием для выделений или невыделений тех или иных морфем в основах сознаваемость или несознаваемость этих морфем в психологии говорящих. Указание на то, что известный комплекс звуков сознается или не сознается, „чувствуется“ или „уже не чувствуется“ как морфема, есть, собственно, не объяснение, а нечто, само по себе требующее объяснения: если „уже не чувствуется“, то почему? Более того, можно согласиться, что в словах вроде *смородина* или *буженина* и в самом деле может „чувствоваться“ суффикс *-ин*: ведь если бы не чувствовался, то, вероятно, никогда никем бы и не выделялся» [Там же]. Из этих верных наблюдений можно вывести только одно заключение: наличное лингвистическое сознание данной среды

противоречиво, в нем есть и этимологическая рефлексия на слово, то есть ощущение его морфемной сложности, производности, но в то же время уже нет ясно осознаваемой смысловой, семантической связи данного слова с другими исторически родственными словами, а также нет понимания того, какое значение имеет та или иная морфема. В качестве примеров таких слов Винокур приводит следующие: *унуть, перестать, затеять, завещать, забавлять, восхитить, обязать, ударить, настоять* (на своем решении) и др.

Из этой коллизии для науки и школьного обучения есть, по крайней мере, два выхода. Можно углублять этимологическую рефлексию, объясняя, как реально-исторически возникло то или иное слово, каковы его исторически родственные связи с другими словами и посредством понятия опрощения, понятия связанного корня, а также разного рода семантических сдвигов объяснять разрыв родственных связей этого слова. Но можно отбросить всякую этимологическую рефлексию и считать, что задача словообразования заключается только в том, чтобы описать наличное языковое сознание, каковое и объявляется критерием истины.

Как можно видеть из приведенных слов, сам Винокур склонялся ко второму решению проблемы противоречивости языкового сознания. После того, как в нашем языкознании противопоставление синхронии и диахронии было абсолютизировано и стало непререкаемым догматом, именно это второе направление стало господствующим и нашло свое выражение в трудах Е. А. Земской, А. Н. Тихонова и др.

Однако обо всем следует судить по плодам. «Школьный словообразовательный словарь русского языка» А. Н. Тихонова является одним из них. Того, кто откроет ССТ, ждет много «открытий чудных».

Учитель и ученик узнают следующее. Оказывается, не являются родственными слова: *бедный* и *беда*; *безвестный* и *весть*; *безвозмездный* и *мзда*; *безразличный* и *лицо*, *различие*; *беспризорный* и *взор*, *взирать*, *призирать*, *зоркий*; *благодарить* и *дар*; *благоухать* и *благо*, *нюхать*; *близкий* и *близь*; *бодрый* и *будить*, *бдеть*; *брак* и *брать*; *вежливый* и *ведать*; *великолепный* и *лепить*; *вероятный* и *вера* и *ять* (< *иметь*); *вертеть* и *время*, *ворота*, *воротник*, *вращать*, *превратить*; *всадник* и *сад*, *садить* / *сажать*; *вселенная* и *село*; *вспылить* и *пылать*, *вспыльчивый*; *вспыхнуть* и *пыхать*, *пышный*; *выгода* и *год*, *годный*, *пригодный*, *негодяй*; *выместить* и *место*; *высокий* и *высь*, *ввысь*, *превышать*; *выступить* и *ступить* и *ступень* (каждое из которых, согласно ССТ, является первообразным); *выявить* и *явь*; *вьюга* и *вить* / *вью*; *гибнуть* и *гнуть* / *сгибать*; *голубь* и *голубой*; *гражданин* и *град* / *город*; *граница* и *грань*; *громкий* и *гром*; *далекий* и *даль*; *дарить* и *дать*; *дворянин* и *двор* (хотя корень *двор-* в слове *дворянин* выделяется); *действовать*, *действительный*, *деять* и *дело*; *добыть* и *быть*; *доверить* и *вера*; *догадаться* и *гадать*; *доказать* и *показать*; *доклад* и *класть*; *должность* и *долг*; *доля* и *делить*; *донять* и *унять*, *занять*, *принять*, *заем*, *понятие*; *дородный* и *род*; *достоверный* и *вера*; *досуг* и *досягать*; *доход* и *расход*; *дубина* и *дуб*; *дубить* и *дуб*; *дышать* и *душный*; *жестокый* и *жесткий*, *жесть*; *жуткий* и *жуть*; *забор* и *брать*; *забота* и *забыть*, *быть*; *заведовать* и *вести*, *водить*; *завещать* и *ответ*, *привет*; *завидовать* и *видеть*; *завтра* и *утро*; *заговор* и *говорить*; *задор* и *драть*, *сдирать*; *заимствовать* и *иметь*; *заметить* и *мета*, *метить*; *замок* и *замыкать*, *замкнуть*; *занавес* и *вес*, *вешать*; *запад* и

падать; запечатлеть и печать; заразить и раз, разить; заряд и ряд; заседать и сидеть; защитить и щит; знакомый и знак; знаменитый и знамя; извергнуть и свергнуть; изложить и положить; изобразить и образ; изобрести и брести, бреду; изоцирить и острый; изьян и изьять; изяцный и изьять; искусный и вкус; истребить и теребить; исследовать и след; истязать и тяга; колесо и колея, коляска; коченеть и кочан; красивый и красный; кромсать и кромка, кроме, закрома; кружево и круг; крыло и крыть; лекарство и лечить, лекарь; лишить и лихо; лосниться и лоск; лучезарный и луч, заря; макушка и маковка, маковица, др. -рус. макъ; мгновение и миг; медведь и мед, ведать; мертвый и смерть, мереть / мру; меркнуть и мерцать; мешок и мех; могучий и мочь; молот и молоть; мужество и муж; мышца и под мышкой; мятеж и смятение, смута; наблюдать и блюсти; наверстать и верста; наградить и град / город; надежда и надеть; надоесть и есть / еда; напасть и падать; наперсник и перси; напрячь и запрячь, пряжка, супруг; наречь и речь; народ и род; нарочитый и речь; наследовать и след; настичь и достичь; насторожить и сторож / страж; настоящий и стоять; настроить и строить; находить и ход; небрежный и беречь; неважный и важный; неделя и делать; нежный и нега; негодовать и год, годный и др. ; незабудка и забыть; незаурядный и ряд; незыблемый и зыбкий; нелепый и лепить; непосредственный и середина, средний; нечаянный и чаять; низкий и низ; низменный и низ; ножницы и нож; ножовка и нож; носок и нос; обернуть и вертеть; обеспечить и печься; обещать и обет, привет; обитать и витать; обладать и владеть; облако и влечь / влачить; область и владеть; обличить и лик; обод и водить; обожать и бог; оболочка и волочь; обонять и вонь; оборудовать и орудовать, ружье; обречь и речь; объявить и явь; обычный и привычка; обязать и вязать; огород и город; одеяло и деть; одолеть и доля; одухотворить и дух; озадачить и задача; озарить и заря; ополчение и полк; опрокинуть и кидать; осадить и сажать; осаниться и сан; освоить и свой; оседлый и сидеть; оскорбить и скорбь; осознать и знать; остеречь и стеречь; осторожный и сторож; осуществить и суть; отвлечь и влечь; отворотить и вращать; откровенный и крыть; отличить и лик; отобразить и образ; отторгнуть и расторгнуть; отчетливый и четкий; охапка и хапать; охотиться и хотеть; очередь и черед; ошеломить и шлем; палатка и палата; пеленка и пелена; перепонка и запонка; перила и переть, опираться; перстень и перст; перчатка и перст; печаль и печь; пирог и пир; плотник и плот; победа и беда; погода и год; погреб и грести / гребу; подстрекать и стрекать; подушка и ухо; подтвердить и твердый; пожар и жар; позвонок и звено; покорить и укор; польза и льгота; помнить и память; поощрить и острый; порошний и праздный; порошок и порох; поручить и рука; порядок и ряд; посвятить и святой; постепенный и степень; постичь и достичь; пошлина и шел; правда и правый; правило и правый; предпринять и иметь; предупредить и пред / перед; прекратить и краткий; преткнуться и ткнуть; пригласить и глас / голос; пример и мера; проволока и волочить; промыслить и мысль; проникнуть и никнуть; проповедь и ведать; развлечь и влечь; ровесник и ровный; родник и родить; розовый и роза; сажать и сад; сверстник и верста; свидетель и видеть; согласный и глас / голос; совокупный и вкупе; содержать и держать; создать и здание; сокровище и крыть; сообразить и образ; соревнование и ревность; состязаться и тяга;

спешить и пеший; сплотить и плотный; спокойный и покой; спотыкаться и тыкать; справедливый и правый; средоточие и середина, точка, тыкать; староста и старый; столица и стол; сугроб и грести; счастье и часть; трудный и труд; тщательный и тощий; уважать и важный; уgomонить и гомон; удобный и добрый, подобный, сдобный; частушка и частый. и это далеко не полный список!

Весь этот материал довольно четко разделяется на три группы.

В первую группу входят слова, родственные отношения между которыми уже не может ни увидеть, ни даже «почувствовать» никто, ибо произошел реальный разрыв родственных отношений, произошла деэтимологизация слов; для обнаружения исторически существовавших родственных связей в таких случаях надо знать историю русского языка и применять специальные аналитические процедуры, выработанные этимологической наукой. К этой группе можно отнести такие случаи: *благоухать — нюхать, бодрый — бдеть, брак — брать, вспылить — пылать, вьюга — вить, добыть — быть, досуг — досягать, ряд — заряд, острый — изоцирнуть, изъять — изыщный, тяга — истязать; колесо — колея — около, награда — град / город, польза — легкий — льгота* и другие.

Во вторую группу входят слова, родственные отношения между которыми еще «чувствуются», потому что довольно ясно выделяется и корень, и аффиксы, однако смысловая связь уже затуманена. Синхронисты называют такие слова членимыми, но непроеводными [См.: Земская, 1973, с. 63]. Примером такого рода может служить слово *дворянин*. В ССТ оно является первообразным, то есть образует особую словарную статью, являясь основой гнезда (*дворянка, дворянский, дворяночка*); в то же время оно является членимым: *двор/ян/ин*; если корень *двор-* выделяется, то почему слово *дворянин* не входит в гнездо слова *двор*? Очевидно, по логике синхронистов, между словами *двор* и *дворянин* уже нет никаких смысловых отношений, то есть отношений производности.

Наконец, в третью группу входят слова, родственные отношения между которыми достаточно очевидны, и даже десятилетний ребенок удивляется тому, что *снег* и *снегирь* не находятся в отношении производности. Не составляет также особого труда догадаться, что три словообразовательных гнезда в ССТ:

ВÓРОТ → *воротник; воротничок, воротниковый, подворотничок* и др. ;

ВОРÓТ → *воротца, воротница, подворотня, вратарь (?!), подворотня* и др. ;

ВРАЩАТЬ → *вращаться, вращение, вращательный*

на самом деле образуют одно гнездо; но, конечно, не очевидно, что оно в свою очередь является частью гнезда ВЕРТЕТЬ.

Но я человек любопытный и хочу узнать, все ли синхронисты согласны между собой и насколько объективен ССТ, и открываю «Толковый словообразовательный словарь русского языка» И. А. Ширшова. Должен сказать, что Ивана Алексеевича я хорошо знал, мы с ним вели дискуссии, иногда напряженные, о том, возможно ли в принципе синхронное словообразование; он считал, что оно возможно, но при этом он обладал чутким слухом к отдаленным смысловым связям слов, поэтому в его словаре гнезда слов, объединенных отношениями словопроизводства, выглядят иначе.

Так, в отличие от Словаря Тихонова, в Словаре Ширшова в одно гнездо входят слова: *весть* и *безвестный*, *лицо* и *безразличный*, *высь* и *высокий*, *явь* и *выявить*, *голубой* и *голубь*, *град* и *гражданин*, *грань* и *граница*, *греметь*, *гром* и *громкий*, *даль* и *далекий*, *дать* и *дар*, *долг* и *должность*, *падать* и *запад*, *двор* и *дворянин*, *вера* и *доверить*, *дуб* и *дубина*, *дух*, *душный* и *дышать*, *ответ*, *завет*, *привет* и *завещать*, *печать* и *запечатлеть*, *образ* и *изобразить*, *извергнуть* и *свергнуть*, *колесо*, *коляска* и *колея*, *лечить*, *лекарство* и *лекарь*, *мереть* и *смерть*, *блюсти* и *наблюдать*, *низ* и *низменный*, *нега* и *нежный*, *нож* и *ножовка*, *свой* и *освоить*, *перст*, *перстень* и *перчатка*, *роза* и *розовый* и другие.

В то же время оба автора соглашаются в том, что слова *беда* и *бедный*, *взор* и *беспризорный*, *бодрый* и *будить*, *брать* и *брак*, *вера* и *вероятный*, *доля* и *делить*, *досуг* и *досесть*, *жесткий* и *жестокий*, *зараза* и *разить*, *завтра* и *утро*, *крыть* и *крыло*, *молот* и *молотить*, *род* и *народ*, *делать* и *неделя*, *вязать* и *обязать* и другие не связаны отношениями производства.

Кому же из этих двух синхронистов должен верить бедный читатель? Для них обоих, как для синхронистов, критерием истины является наличное языковое сознание среднестатистического носителя русского языка, однако практически эти носители у них оказываются какие-то очень разные. У Тихонова идеальный носитель русского языка — это глуповатый Иван, не помнящий родства, бездумно пользующийся языком как набором пустых, то есть лишенных внутренней формы, знаков, не имеющий вредной привычки рефлексировать по поводу слов. Тихонов, для познания истины, как бы спрашивает своего идеального носителя: «Чувствуешь ли ты, Иван, родственную связь между словами *двор* и *дворянин*?» — «Не-а, не чувствую». — «Очень хорошо! Значит, *дворянин* — слово *членимое*, но *непроизводное* и пойдет в словаре отдельной статьей».

Идеальный среднестатистический носитель языкового сознания для Ширшова — это Иван, помнящий родство, то есть довольно культурный и образованный человек, читавший разные книжки, и художественные, и исторические, хотя бы даже из школьного учебника истории России узнавший, что это за сословие дворян и как оно возникло, да и вообще любящий задуматься о слове и существующем в нем «недоумении». Конечно, особенно глубоко он не копает, потому что для этого нужны уже специальные знания, и потому, например, слова *доказать* и *показать* входят в разные гнезда: одно — в гнездо ДОКАЗАТЬ, другое — в гнездо КАЗАТЬ. Ширшов, для познания истины, тоже как бы спрашивает своего идеального носителя: «Чувствуешь ли ты, Иван, родственную связь между словами *двор* и *дворянин*?» — «Чувствую, потому что знаю из книг, как это слово возникло». — «Очень хорошо! Значит, *дворянин* — слово *членимое* и *производное* и пойдет в словаре в гнездо с основой ДВОР».

Отдельный разговор нужно вести о словах, заимствованных из других языков.

В ССТ оказываются членимыми слова *авто/бус* и *авто/мобиль*, по-видимому, на том основании, что есть слова *троллейбус*, *электромобиль*, *автодорога* и др. Пусть так. Но почему же тогда оказывается нечленимым слово *автограф*, если есть слово *эпиграф*? Почему нечленимо слово *автономия*, если есть слова *агронмия*, *астрономия*? Где здесь системный синхронный подход?

Гораздо умнее поступает И. А. Ширшов: он, в отличие от Тихонова, не делал вид, будто его носитель языка свалился с Луны и ничего не знает о том, что заимствованные слова в языке-источнике членились на части. В его «Толковом словообразовательном словаре русского языка» слово *автограф* членится так: *авто* (греч.) ‘свой, относящийся к себе’ + *граф* ‘пишу’ → авто/граф. 1. Собственноручная подпись или надпись. 2. Собственноручный авторский рукописный текст. Слово *автономия* членится так: *авто* ‘свой, относящийся к себе’ + *ном* ‘закон’ → авто/ном-и-я. Независимость в управлении, ориентация на свои законы [Ширшов, 2004, с. 24].

Такое объяснение гораздо содержательнее и лингвистически более корректно, однако не трудно увидеть, что это уже отступление от принципов, чистые ризы синхронии оказались запятнанными элементами диахронии, которые вводятся тишком, как бы незаметно. Слов *графо* ‘пишу’ и *номос* ‘закон’ в русском языке не было и нет; образование слов *автограф* и *автономия* произошло в другом, греческом, языке, и в таком готовом виде они были заимствованы в какой-то момент истории русским языком. Поэтому в русском языке основы слов *автограф*, *автономия* непроеизводны. Однако первая часть этих и им подобных слов (*авто-*), отделившись от них, стала участвовать в образовании собственно русских слов, таких, как: *автодорога*, *авторучка*, *автопилка* и др.; такие слова членимы на морфемы: авто/руч/к/а, авто/дорог/а и производны. У Ширшова же получается так, что и *автономия*, и *авторучка* — это слова одного плана, созданные на почве русского языка и одинаково членимы и производны.

И в этом случае у Тихонова и Ширшова идеальные субъекты, носители языкового сознания оказываются разные. У Тихонова это наивный человек, этакий симплициссимус, никогда не слышавший о существовании иных народов и языков; для него все слова — русские; в одних случаях он «чувствует» сложность их морфемного состава и догадывается об их производности; в других случаях он «не чувствует» сложности, воспринимает слова как простые, непроеизводные. У Ширшова же это человек культурный, образованный, несколько знакомый с древними и новыми языками и потому не столько чувствующий, сколько знающий, как возникли греческие слова *автономия* и *автограф*, но почему-то приписывающий их членимость и производность русскому языку.

В общем же это значит, что синхронный подход к описанию словообразования неизбежно субъективен, и в этом его неискоренимый недостаток.

Приведу еще одну несообразность.

В ССТ слово *оптика* членится так: *опт/ик/а*, вероятно, на том основании, что в русском языке есть суффикс *-ик-* [Тихонов, 2002, с. 322]; (остается тогда непонятным, почему в русском слове *свидетель* в ССТ не выделяется суффикс *-тель?*); о значении же корня *опт-* читатель волен судить так, как захочет, например, соотнести его со словом *оптом* ‘целиком’, не задумываясь о смысловой связи. На самом деле это слово нечленимо, ибо было заимствовано в готовом виде из нем. *Optika* или франц. *optique*, куда попало через лат. *optice* из греч. *ōptike* (*tekhne*); в греч. слове выделяется корень *-ōp-* со значением ‘видимая часть, лицевая поверхность’; от этого корня образованы такие слова, как *prosōpon* ‘лик, лицо, маска, персона’, *Eurōpe* ‘буков. широколиция’.

Мне кажется, что школьный словообразовательный словарь русского

языка должен включать в себя только русские по происхождению слова, а заимствованные слова нужно поместить в отдельный словарь иностранных слов, сопроводив их этимологическими объяснениями, то есть указав, например, что слово *гладиолус* восходит к лат. *gladius* ‘меч’ (и тогда школьник уже не напишет: *глодеокус*), к нему же восходит и слово *гладиатор*, что слово *сомнамбула* образовано из двух латинских корней: *somnus* ‘сон’ и *ambulo* ‘гуляю’ и что второй корень входит составной частью в такие слова, как амбулатория и преамбула. Неужели это хуже, чем тривиальное, плоское указание в ССТ на то, что от слова *амбулатория* образованы слова *амбулаторный* и *амбулаторно*? Последнее как раз очевидно и только напрасно занимает место в словаре, а первое — не очевидно, знание об этом расширяет познания учащегося, раздвигает его культурный горизонт. Впрочем, и последнее не очевидно: от *амбулатория* должно быть образовано *амбулаторийный, а не *амбулаторный*. Конечно, синхронистам ничего не стоит махнуть топором и сказать, что это-де усечение основы, но на самом-то деле, скорее всего, сущ. амбулатория — это заимствование из нем. *Ambulatorium*, а *амбулаторный* — заимствование из нем. *ambulatorisch*, так что в русском языке эти два слова не связаны отношениями словопроизводства.

Словарь — это всегда итог, результат определенных лингвистических процедур. Если два однотипных, исходящих из одних и тех же принципов словаря дают столь различные результаты, то истолковать это, на мой взгляд, можно одним образом: неверны сами принципы. Иначе говоря, синхронное словообразование всегда субъективно, следовательно, ненаучно. Словарь Тихонова отличается особенно разбойным характером: он разбивает все связи, которые только можно разбить, разрывает отношения производности при малейшем намеке на неочевидность смысловой связи слов. Однако наука вообще, как правило, имеет дело с неочевидностью: очевидно, что Солнце вращается вокруг Земли, однако астрономия утверждает прямо противоположное. Лингвистика не исключение: не очевидно, что *бодрый* и *бдеть* слова родственные, однако стоит заглянуть немного в историю, и мы увидим звуковое единство корня: *бьдрь* — *бьдѣти*. Не очевидно, что *удобный* и *подобный* — слова родственные, однако стоит напрячь немного воображение, и связь станет понятной: то и другое обозначает нечто подходящее.

К великому прискорбию, надо сказать, что даже те лингвисты, которые вроде бы занимаются проблемами исторического словообразования, находятся в плену у синхронизма. Вот пример: «Слово может вообще утрачивать мотивацию, а вместе с этим и морфемную членимость (морфемное опрощение), при этом морфемы, входившие в это слово, сохраняются в других словах. Ср. *мешок* и *остров-ок*, с одной стороны, и *мешок* и *мех-ов(ой)* — с другой» [Николаев, 2009, с. 173]. Это так, если критерием истины и оракулом является Ваня с Пресни, но для истинного историка слово (кроме самых древних) всегда сохраняет свою мотивированность, как для химика вода всегда будет иметь формулу H_2O , даже если упомянутый Ваня ничего об этом не знает. В синхронном словообразовании понятие научности полностью извратилось: если любопытствующий обыватель хочет узнать химический состав воды, он идет к химику и спрашивает его об этом, но никогда любопытствующий химик не пойдет за ответом на этот вопрос к обывателю; в лингвистике же все наоборот: любопытствующий лингвист идет к обывателю спрашивает его о морфемном составе слова!

Если цель школьного образования заключается в том, чтобы прививать ученику культуру, включая и языковую, то Словарь Тихонова — это антикультурное явление. Подлинная культура всегда уходит в глубины истории и там черпает творческое вдохновение, и, как говорил Сальвадор Дали, нет ничего более творческого, чем традиция. Филология вообще движется пафосом гамлетовского вопроса: «*Порвалась дней связующая нить, /Как мне обрывки их соединить?*».

Филолог восстанавливает тексты утраченных произведений, пишет комментарии, докапывается до первичного, этимологического значения слов, создает исторические словари, чтобы удержать как можно дольше единство культуры, связать прошлое и настоящее, увидеть в прошлом семена настоящего, а в настоящем — плоды прошлого. Подлинный, то есть исторический словообразовательный словарь может занять свое достойное место среди этих филологических трудов. Однако все это глубоко чуждо синхронистам, ибо их идеал, оракул и идол — манкурт, Иван, не помнящий родства. Поэтому можно сказать, что Словарь Тихонова — это явление и глубоко антипедагогичное.

В самом деле, обратимся к указанным выше трем группам слов.

Что касается слов третьей группы, то ученик со здоровой лингвистической интуицией только недоумевает, почему слово *вероятный* не связано отношениями производности со словом *вера*, *всадник* — со словом *сидеть*, *вместо* — со словом *место*, *ступень* — со словом *ступать*, *граница* — со словом *грань*, *громкий* — со словом *грам*, *снегирь* — со словом *снег* и так далее и так далее? Вместо того, чтобы подкрепить интуицию знанием, автор ССТ как бы говорит своему читателю: «Забудь! Нет тут уже никаких связей, внутренняя форма выветрилась, слова стали внутренне опустошенными пустыми знаками; тебе достаточно знать значение слова, а о большем не задумывайся». Если это не проповедь невежества, то что это?

Что касается слов второй группы, то они представляют собой отличный методический материал для развития языкового чутья, воображения, образного мышления, а также для познания того, как уместовал народ, создавая средства для выражения новых понятий. В самом деле, если бы в словаре было указано, что слово *беспризорник* восходит к корню *зор-*, слова *доказать*, *показать*, *заказать*, *наказать*, *казнь* восходят к одному корню *каз-*, слово *истязать* происходит от корня *тяг(a)*, то это невольно заставило бы задуматься над путями семантического развития, над теми переносами смысла, благодаря которым возникли новые средства выражения. Но автор ССТ, разрывая эти связи, как бы говорит: «Не надо развивать воображение и образное мышление. Относись к русским словам как иностранец: запомнил звучание и значение, и хватит с тебя». Если это не проповедь невежества, то что это?

Наконец, что касается слов первой группы, то словарное указание на то, что слова *бодрый* и *будить*; *выгода*, *годный*, *год* и *негодяй*; *вьюга* и *вить*; *доля* и *делить*; *добрый*, *сдобный*, *удобный* и *преподобный*; *занять* и *понять*; *обет* и *привет*, *изошренный* и *острый* и многие другие являются родственными, поначалу вызовет удивление, которое, по Платону, есть начало познания, а его продолжением станет разъяснение того, какие фонетические и семантические процессы привели к разрыву родственных связей, как получилось, что слова-дети утратили своих отцов. Такие слова могли бы стать материалом для лингвистических игр вроде «Генетическая экспертиза» или «Выхожу тебя

искать». Но автор ССТ, не выявляя эти связи, как бы говорит: «Запрещаю! Не во что тут играть, связи разорвались раз и навсегда, и нечего копать в прошлом, живи настоящим (синхронным)». Если это не проповедь невежества, то что это?

Синхронисты любят оперировать понятием «современного состояния языка» как некоей объективной реальностью, видимо, не отдавая себе отчета в фиктивности этого понятия. В действительности же имеет место подмена, так как «современное состояние языка» есть не что иное, как «языковое сознание синхрониста», то есть понятие сугубо субъективное, во всяком случае в области словообразования: мы уже видели, что у Тихонова оно одно, у Ширшова — другое. А вот еще пример очень современного языкового сознания: «И наконец, одно из самых теплых слов русского языка — РОДИТЕЛИ — РОД ТЕЛА! ТЕЛАМИ ПРОДОЛЖАЮЩИЕ РОД!»; «Так с испугу вместо «ОТЕЦ» появилось еще одно новое слово «АТАС!» Вот такая эволюция произошла от ласкового «АТЯ» через строгого «ОТЦА» до панического «АТАС!», а в недалеком будущем и до грозного «АТАМАНА!»; «Когда же «ПАПА» на своих “шестерок” гневается, он уже не «ПАПА», а «ПАХАН» — «ПАПА-ХАН». То есть «ПАПА», от которого всем «ХАНа!» [Задорнов, 2010, с. 6, 15, 16]. Конечно, над этим можно только посмеяться или спросить Задорнова: если родитель — тот, кто продолжает род телом, то что же делает учитель? Но ни Задорнова, ни его читателей и почитателей этим не проймешь, так как они опираются на «очевидность», наука же имеет дело как раз с неочевидностью. Да что Задорнов! Бабушка-филолог рассказывает про учительницу русского языка своей внучки: она, учительница, вполне серьезно утверждает, что слово *союз* и английский глагол *to use* — родственные слова, вернее, наше слово *узы* образовано от этого английского глагола, а приставка *пере-* скоро исчезнет, так как в ней выпадает первый звук *e* и она превращается в *пре-*.

«Сон разума рождает чудовищ». Пока синхронное словообразование спит и видит сны о современном состоянии языка, пространство культуры заполняют чудовища вроде Задорнова. Если учащийся не будет знать истинного научного положения дел с образованием слов, то на место настоящего знания придет псевдонаучная околесица, с которой так любят выступать М. Задорнов и прочие «лингвофрики». Отчего его невежественная галиматья получает такое признание, поддержку в обществе? Да все оттого, что в школе никто не научил настоящему, а не лжеименному словообразованию, не дал в руки подлинный, а не оскопленный словопроизводный словарь русского языка: с синхронистических позиций никакого другого словаря создать и невозможно.

Из всего сказанного, с моей точки зрения, следуют непреложные выводы.

1. Синхронное словообразование — это противоречие в терминах, оксюморон вроде синхронной этимологии; его возникновение нужно признать научным казусом, вызванным историческим моментом в развитии теоретического языкознания, когда было догматизировано противопоставление синхронии и диахронии. Термину «словообразование» должен быть возвращен его исконный смысл: он обозначает реальный исторический процесс образования слов и науку, изучающую этот процесс. В качестве лингвистической дисциплины подлинно научным может быть только диахронное, историческое словообразование: «... словообразование в своей сущности исторично» [Трубачев, 1976, с. 154].

2. Научному и педагогическому сообществу давно пора задуматься о создании диахронического, а затем и историко-словообразовательного словаря — хранителя исторической и культурной памяти народа. Не вдаваясь в подробности, которым здесь не место, укажу лишь на то, что тип диахронического словообразовательного словаря пользуется понятием относительного времени, то есть показывает на оси времени, что после чего и из чего возникло; тип исторического словообразовательного словаря пользуется понятием абсолютного времени, то есть показывает (или, по крайней мере, стремится к этому), в какой момент истории возникло слово, из чего возникло, в каких исторических обстоятельствах, в каких памятниках письменности впервые употреблено, и т. д.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Винокур Г. О.* Избранные работы по русскому языку. М., 1959.
2. *Задорнов М.* Слава Роду! М., 2010.
3. *Земская Е. А.* Современный русский язык. Словообразование. М., 1973.
4. *Канакина В. П., Горецкий В. Г.* Русский язык. 2 класс: учебник для общеобразовательных учреждений с приложением на электронном носителе. В 2 ч. Ч. 1. М., 2012.
5. *Николаев Г. А.* Русское историческое словообразование. Теоретические проблемы. Изд. 2-е. М., 2009.
6. *Тихонов А. Н.* Школьный словообразовательный словарь русского языка. М., 2002.
7. *Трубачев О. Н.* Этимологические исследования и лексическая семантика // Принципы и методы семантических исследований. М., 1976.
8. *Ширшов И. А.* Толковый словообразовательный словарь русского языка. М., 2004.

Поступила в редакцию 16.06.2013